

Дж. М. Уайт

ВОЗВРАЩЕНИЕ СТАРООБРЯДЦАМ КОНФИСКОВАННОГО ИМУЩЕСТВА (1905–1917 гг.)*

doi: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-136-144

УДК 94(47)“1905/1917” ББК 63.3(2)53

Статья посвящена рассмотрению проблемы возвращения имущества старообрядцам после указа о веротерпимости и манифеста 17 октября 1905 г. С началом гонений на старообрядчество в царствование Николая I широко распространилась практика конфискации старообрядческого имущества, как движимого (иконы, книги, богослужебная утварь), так и недвижимого (церкви, часовни, молельни, монастыри). Эти конфискации преследовали цель затруднить религиозную жизнь старообрядцев и стимулировать их переход в православие. Основными бенефициарами конфискаций были православные и единоверческие приходы. Однако после принятия законов 1905 г. старообрядческие общины, теперь уже легализованные в глазах государства, попытались вернуть себе часть утраченной собственности. Навстречу старообрядцам шли и светские власти. Так, правительство П. А. Столыпина видело в старообрядцах надежных сторонников своей консервативной политики. Однако Русская православная церковь во многих случаях отказывалась возвращать имущество, мотивируя это тем, что такие действия нанесут ущерб престижу Церкви и будут способствовать отступничеству. Противоречия в вопросе возвращения конфискованной старообрядческой собственности вели к росту напряженности в отношениях между Церковью и государством.

Ключевые слова: старообрядчество, единоверие, русское православие, собственность, конфискации, веротерпимость

17 апреля 1905 г. Николай II издал указ об укреплении начал веротерпимости. Больше всего от этого выиграли старообрядцы империи.¹ По сути, новое законодательство легализовало практически все аспекты их общественной и частной религиозной жизни. Спустя несколько месяцев манифест 17 октября 1905 г. предоставил всем подданным Российской империи целый ряд свобод, включая свободу совести. Результатом этого стал расцвет старообрядческой культуры в последнее десятилетие существования Российской империи.² Были основания полагать, что такое положение дел сохранится, а со временем староверы получат еще больше прав. П. А. Столыпин рассматривал старообрядцев как консервативную группу,

значительная численность и влияние которой делали ее привлекательным электоратом для поддержки его правительства. В результате в комиссиях Государственной думы было создано несколько законодательных проектов, призванных обеспечить юридическую основу общим обещаниям апреля 1905 г.³

Русская православная церковь неоднозначно отреагировала на новые законы о веротерпимости. Некоторые относительно либерально настроенные иерархи и духовенство утверждали, что предоставление другим религиозным конфессиям права на свободное вероисповедание убедит государство предоставить Церкви больше автономии и тем самым приблизит ее положение к каноническому идеалу. Однако многие смотрели на новое законодательство с беспокойством: они считали, что привилегии Церкви ущемляются, а православные приходы становятся уязвимыми для нападков со стороны других конфессий.

Одним из спорных вопросов, возникших в результате сложных трехсторонних взаимоотношений между Церковью, государством и старообрядчеством, стал вопрос о возвращении старообрядческой собственности. Преследования старообрядцев со стороны Церкви и государства в XIX в. привели к изъятию огромного

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), 3-е собрание. СПб., 1908. Т. 25. С. 237, 238.

² См.: Robson R. Old Believers in Modern Russia. DeKalb, 1995; Ершова О. П. Старообрядчество и власть. М., 1999; Pozdeeva I. V. The Silver Age of Russia's Old Belief / Russia's Dissident Old Believers. Minnesota, 2009. С. 67–96.

Уайт Джеймс Мэттью — PhD, заведующий лабораторией цифровых технологий в историко-культурных исследованиях, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
E-mail: d.m.uait@urfu.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-78-10119 «Культурное наследие на Урале: социальная роль, трансформация, трансляция» (рук. А. С. Палкин)

³ См.: Waldron P. Religious Reform after 1905: Old Believers and the Orthodox Church // Oxford Slavonic Papers. 1987. Vol. 20. P. 110–139.

количества церковного имущества. Почти все оно оказалось в руках Церкви. Старообрядцы восприняли изменения в законодательстве 1905 г. как появление возможности вернуть конфискованное, тем более что при правительстве Столыпина был прецедент, когда МВД вернуло им все имущество, хранившееся в архивах. Однако Церковь не могла допустить возвращения имущества старообрядцам: это ослабляло ее престиж в глазах прихожан и, как казалось иерархам, делало отступничество более вероятным.

I

В период с 1762 по 1825 гг. старообрядчество пользовалось относительной веротерпимостью. Старообрядцы процветали и накопили большое количество имущества, как недвижимого, так и движимого. Однако с приходом к власти Николая I в 1825 г. притеснения старообрядчества возобновились. В 1826 г. было запрещено строить новые церкви и молитвенные дома, а также ремонтировать старые.⁴ За печать, хранение и продажу старообрядческих книг полагались наказания.⁵ Целью этих законов было ограничение публичного оказательства старообрядчества. Так государство надеялось усложнить религиозную жизнь старообрядцев и склонить их к переходу в православие или единоверие.⁶ Таким образом, старообрядческая религиозная собственность была запрещена: церкви, часовни, молитвенные дома, книги, кресты, иконы, утварь и одеяния могли быть конфискованы, поскольку все это могло стать неким соблазном для православной паствы.

С 1825 по 1904 гг. было конфисковано значительное количество старообрядческого движимого и недвижимого имущества, которое подлежало либо перераспределению между православными общинами и учреждениями, либо уничтожению. Сколько именно имущества было уничтожено, сказать невозможно. А. С. Палкин отмечает, что в 1846–1847 и 1850–1857 гг. было изъято более 1 500 книг, 1 265 икон и 1 369 предметов, хотя около 1/3 икон и 1/8 предметов были возвращены в Екатеринбург.⁷ В ответ на запрос Министерства внутренних дел в 1906 г. Вятская консистория предо-

ставила список старообрядческого имущества, изъятого на протяжении XIX в.: отчет занимает более ста страниц.⁸ Наиболее известные случаи изъятия, перераспределения и уничтожения имущества (уничтожение Выговского беспоповского скита в 1854 г., разорение монастырского комплекса на Иргизе в 1857 г., изъятие частей московских Рогожского и Преображенского кладбищ в 1854 и 1864 гг. соответственно) хорошо изучены.⁹ Можно привести и другие многочисленные примеры по всей империи. Так, в 1850 г. в Казани была захвачена большая старообрядческая часовня, которую охраняли 25 пехотинцев и 3 конных казака: признанная небезопасной, она была снесена, а власти нажились на продаже оставшихся строительных материалов.¹⁰ В 1853 г. колокола старообрядческой часовни в с. Черном Эстляндской губернии были распределены между местными православными церквями.¹¹ В Романово-Борисоглебске Ярославской губернии в 1854 г. часовня беглопоповцев была превращена в единоверческую церковь: в нее были переданы иконы, изъятые в соседнем молитвенном доме беспоповцев.¹² В 1848 г. была ограблена и полностью конфискована библиотека нижнетагильского старообрядца Михаила Хабарова, в том числе книга по металлургии, изданная Академией наук.¹³ В 1874 г. в Симбирске у старообрядцев Большакова и Хотькова были изъяты книги и рукописи на сумму около 10 000 рублей.¹⁴

Светские и духовные власти разрабатывали систему обращения с конфискованным имуществом постепенно. Первые шаги были сделаны Петром I, который в указе 1724 г. распорядился, чтобы изъятые книги и рукописи направлялись местным иерархам, а затем в Синод.¹⁵ В 1840-х гг. была предпринята более общая

⁴ См.: Собрание постановлений по части раскола. London, 1863. Т. 1. С. 77.

⁵ См.: Канторович Я. А. О раскольниках. Свод законов Российской империи. СПб., 1901. С. 23, 24.

⁶ См.: Палкин А. С. Единоверие в конце 1820-х — 1850-е годы. Механизмы государственного принуждения и противостояние староверов // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 87–106.

⁷ Он же. Единоверие в середине XVIII — начале XX века. Общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016. С. 146.

⁸ См.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1284. Оп. 185. Д. 88. Л. 144–265.

⁹ См.: Crummey R. O. *Old Believers and the World of the Antichrist. The Vyg Community and the Russian State, 1694–1855*. Madison, 1970. P. 198–219; Наумлюк А. А. Центр старообрядчества на Иргизе. Появление, деятельность, взаимоотношения с властью. Саратов, 2009. С. 77–89; De Simone P. T. *The Old Believers in Imperial Russia: Oppression, Opportunism and Religious Identity in Tsarist Moscow*. London, 2018. С. 69–97.

¹⁰ См.: Национальный архив Республики Татарстан (далее — НАРТ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 744; 791.

¹¹ См.: Эстонский исторический архив (далее — ЕАА). Ф. 571. Оп. 1. Д. 496.

¹² См.: Мизеров А. Спасо-Архангельская единоверческая церковь в г. Романово-Борисоглебске. Ярославль, 1883. С. 2, 3.

¹³ См.: Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). Ф. 43. Оп. 3. Д. 81. Л. 14.

¹⁴ См.: Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М., 2011. С. 132–135.

¹⁵ См.: ПСЗРИ, 1-е собрание. СПб., 1830. Т. 7. С. 355, 356.

попытка систематизировать изъятия: в Петербурге был создан специальный архив МВД, куда можно было отправлять конфискованное имущество. Предполагалось, что архив будет способствовать изучению церковнославянских рукописей и иконописи XVII в., однако, как отмечал последний историк архива, он не справился с этой задачей.¹⁶ Только в 1858 г. Синод и государство сформулировали свод общих правил.¹⁷ Первый раздел этого указа определял, какие предметы подлежат конфискации. При обысках в частных домах или у частных лиц подлежали изъятию только те иконы, картины и книги, которые, как казалось, противоречили духу учения Православной церкви (в качестве примера приводились изображения «ересиархов»). Однако рукописи и церковное оборудование подлежали конфискации независимо от содержания. Также подлежали конфискации все предметы, найденные в старообрядческих молитвенных домах, поскольку они не считались частной собственностью. Затем все это имущество передавалось в епархиальную консисторию для проверки местным епископом. Он оценивал насколько вещи противоречили православному учению. Те предметы, которые не противоречили, могли быть возвращены владельцам. Однако если в них явно присутствовало «раскольническое» содержание, то вещи либо оставлялись для изучения противостарообрядческими миссионерами, либо рассылались в единоверческие церкви для использования. Наконец, если вещи были настолько «противны православию», что им нельзя было найти применения, их сжигали. Иногда эти уничтожения, по-видимому, проводились ритуально: в 1907 г. архиепископ Новгородский описал одно такое сожжение, когда епархиальные чиновники собрались, чтобы сжечь старообрядческие иконы и книги, а затем выбросить пепел в реку.¹⁸ В Могилевской епархии в 1853–1854 гг. материалы из снесенного старообрядческого молитвенного дома использовались в качестве дров при выпечке православных просфор.¹⁹

Получателями всего этого конфискованного имущества стали православные приходы и учреждения по всей империи. Например, Казанская

духовная академия получала старообрядческие рукописи и книги на протяжении 1850-х гг.²⁰ Однако одним из главных бенефициаров было единоверие — движение, созданное в 1800 г. митрополитом Платоном (Левшиним) для того, чтобы старообрядцы, перешедшие в Русскую православную церковь, могли пользоваться своими обрядами. С 1825 г. староверам, перешедшим в единоверие, обычно передавалось движимое и недвижимое имущество их прежних общин. Поскольку единоверцы нуждались в дониконовских книгах и антиминсах, они были главными кандидатами на получение этого имущества при конфискациях у старообрядцев. По сути, развитие единоверия стало зависеть от продолжающихся государственных гонений на староверов.

Из-за этого отказ от изъятия старообрядческой собственности происходил медленно. Более терпимая атмосфера царствования Александра II привела к принятию закона 1883 г., который устанавливал, что старообрядцы имеют право на религиозную жизнь, свободную от посягательств государства и церкви.²¹ Хотя публичная демонстрация старообрядчества по-прежнему была строго запрещена, можно было строить новые и перестраивать старые молитвенные дома. Однако закон в основном оставался мертвой буквой: очевидно, что изъятия продолжались вплоть до 1904 г. Более того, в 1898 г. Сенату пришлось издать разъяснительное постановление, чтобы установить, что изъятие зданий и предметов, необходимых для совершения литургии, является нарушением религиозной жизни старообрядцев.²²

II

С апрельским указом о веротерпимости и октябрьским манифестом 1905 г. стало очевидно, что подобные конфискации больше не могут продолжаться: религиозная жизнь старообрядчества была, по сути, легализована, и правительство под руководством П. А. Столыпина стало добиваться свободы совести для старообрядцев, которые, будучи консерваторами, считались привлекательными союзниками в это беспокойное для страны время. Поэтому Столыпин принял меры по умиротворению старообрядцев, обеспечив возвращение их имущества. 31 октября 1906 г. Столыпин предложил вернуть имущество, хранящееся в архиве МВД. Различные представители старообрядчества

¹⁶ См.: Пивоварова Н. В. «Кабинет раскольничьих вещей» Министерства внутренних дел. Об одном несостоявшемся музее старообрядческой богослужебной культуры // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 6 (85). С. 237.

¹⁷ См.: Чичинадзе Д. В. Сборник законов о расколе и секантах, разъяснённых решениями правительствующего сената и святейшего синода. СПб., 1899. С. 108–110.

¹⁸ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 188. Д. 7501. Л. 6.

¹⁹ См.: Там же. Оп. 130. Д. 911. Л. 6.

²⁰ О предметах, переданных академии в 1857 г., см.: НАРП. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1627.

²¹ См.: ПСЗРИ, 3-е собрание. СПб., 1908. Т. 3. С. 219, 220.

²² См.: Труды двенадцатого всероссийского съезда... С. 38.

были приглашены в комиссию для обсуждения вопроса о распределении вещей: комиссия заседала в декабре 1906 г., а в январе 1907 г. имущество было распределено.²³ Однако к тому времени, когда Столыпин распорядился вернуть старообрядцам содержимое архива, в нем оказалось всего около 200 предметов, все из которых были редкими книгами и рукописями.²⁴ По словам Н. В. Пивоваровой, это были лишь крохи от коллекции, которая когда-то насчитывала тысячи различных предметов.²⁵ В то же время в губернские управления МВД был разослан циркуляр, предписывавший подготовить описи имущества, хранящегося в их ведомствах, за исключением того, что принадлежит Церкви.²⁶

В Синод стали поступать прошения о возвращении старообрядческого имущества. Некоторые епархиальные архиереи обращались в Синод с просьбой дать указания по этому вопросу с начала 1906 г.: так, в феврале 1906 г. епископ Уфимский просил Синод дать указания о возвращении имущества старообрядцев в свете законов о свободе вероисповедания.²⁷ Результатом стал синодальный указ от 23 октября 1907 г., устанавливающий, что вся собственность, конфискованная после 1883 г., должна быть возвращена первоначальным владельцам: постановление Сената 1898 г. уже объясняло, что конфискация в этот период была неправомерной.²⁸ Если епархиальные управления действительно могли найти реквизированное, а проситель был либо первоначальным владельцем, либо законным владельцем, имущество следовало вернуть. В отношении конфискации, произведенных до 1883 г., епархиальным управлениям предписывалось обращаться в Синод для вынесения решения по каждому отдельному случаю. Однако, то ли по умыслу, то ли из-за неуклюжести формулировок, в указе говорилось только о вещах, изъятых из старообрядческих молитвенных домов, — имущество, изъятое у частных лиц, и недвижимое имущество не упоминались. Закон также не распространялся на собственность, конфискованную до 1883 г. Это были оговорки, которыми впоследствии воспользовались многие епархиальные секретари.

Очевидно, что уже после 1905 г. между государством и Синодом существовали некото-

рые разногласия в вопросе возвращения старообрядческой собственности. Столыпин начал кампанию по опустошению центральных и местных архивов МВД, полагая, что это будет хорошим способом заручиться поддержкой старообрядцев и подтвердить готовность своего правительства к реализации существующего религиозного законодательства. Однако указ Синода был полон лазеек и возможных вариантов его толкования в пользу Церкви. Более того, возможно, Синод намеревался полностью обойти это законодательство.

Церковь иногда не возражала против возвращения старообрядческой собственности, но в большинстве случаев староверы терпели неудачу. Отказ Церкви от возврата имущества также не всегда был необоснованным: тщательный анализ доказательств показал, что в ряде случаев старообрядцы не владели рассматриваемым имуществом. Не исключено, что некоторые староверы восприняли новые законы о веротерпимости как возможность провести собственную конфискацию. Кроме того, способ, с помощью которого консистории собирали информацию о делах, делал возможным злоупотребления со стороны православных прихожан. Поскольку большая часть имущества была изъята несколько десятилетий назад, а консисторские архивы часто были неполными, Церкви приходилось полагаться на свидетельства пожилых прихожан, которые могли помнить тот или иной инцидент. Наконец, следует отметить, что в некоторых случаях причины, по которым Церковь не могла вернуть имущество, были совершенно обыденными: например, иногда вещи не удавалось найти или в консисторских архивах не было записей о первоначальном их изъятии и последующей передаче. Эти аргументы вполне правдоподобны, если учесть, что в некоторых случаях с момента изъятия икон прошло много лет.

Будучи основными получателями старообрядческой собственности, единоверческие приходы неизбежно пострадали бы в случае успеха петиций. У Церкви были веские причины не допустить этого: она не могла позволить себе потерять престиж в глазах единоверцев, у которых могло возникнуть искушение обратиться в старообрядчество, если бы их принадлежность к православию перестала давать им преимущества господствующей церкви. С этой проблемой столкнулся Филарет (Никольский), вятский епископ в 1906–1907 гг., когда Синод постановил удовлетворить прошение Дмитрия Ляскова о возвращении богослужебных предметов,

²³ См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 90. Л. 153.

²⁴ См.: Там же. Оп. 8. Д. 597. Л. 1.

²⁵ См.: Пивоварова Н. В. Указ. соч. С. 237.

²⁶ См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 366. Л. 3.

²⁷ См.: Там же. Ф. 796. Оп. 187. Д. 7125. Л. 1.

²⁸ См.: Там же. Ф. 797. Оп. 97. Д. 366. Л. 3.

изъятых в 1888 г.²⁹ Филарет написал в Синод докладную записку, в которой аргументировал свое несогласие с этим решением тем, что эти предметы в настоящее время используются прихожанами единоверческих церквей в его епархии: он утверждал, что это имущество, по сути, необходимо для продолжения религиозной деятельности единоверцев и что изъятие этих предметов у единоверцев вызовет большое недовольство и смущение. Далее Филарет уточнил, что изъятие икон и богослужебных предметов у единоверцев может привести к жестким столкновениям между единоверцами и старообрядцами. 6 октября 1907 г. Синод отменил свое прежнее решение и постановил, что имущество должно остаться в руках единоверцев.

Схожая ситуация сложилась в посаде Елионка Черниговской епархии в 1906–1910 гг.³⁰ В ноябре 1906 г. белокриницкие старообрядцы Елионки обратились к председателю Совета министров с просьбой вернуть им две церкви, перешедшие в собственность местных единоверцев. В ответ 21 марта 1907 г. единоверцы направили встречное прошение. Вначале они заявили, что закон от 17 апреля 1905 г. позволил старообрядцам открыто проводить свои крестные ходы, в которых они превозносились над православными и демонстрировали недоброжелательное отношение к единоверию. Так, во время празднования Крещения 6 января 1906 г. произошло столкновение между православно-единоверческим крестным ходом и толпой старообрядцев, когда последние освящали святой источник, используемый как местными православными, так и единоверцами. В своем прошении единоверцы предупредили, что если их церкви будут отданы старообрядцам, то это приведет к насилию. Антоний (Соколов), епископ Черниговский, поддержал единоверцев в их ходатайстве. Синод одобрил это решение.

Далее рассмотрим события, произошедшие в гомельском городе Ветка в 1907 г.³¹ Просители обратились в Синод с просьбой вернуть крест, четыре иконы и колокол: выяснилось, что эти предметы были переданы в различные православные храмы, а также в Никольский единоверческий монастырь в Москве. Однако Стефан (Архангельский), епископ Могилевский, оказал значительное сопротивление. Сначала он отметил, что передача предметов привела к объединению старообрядцев с Православной

церковью. Затем Стефан отметил, что Православная церковь оставалась господствующей церковью Российской империи даже после указа от 17 апреля 1905 г.: указ давал старообрядцам лишь право свободно исповедовать свою религию, но не возвращать имущество. Поэтому Стефан заявил, что вернуть те вещи, которые остались в пределах его епархии, не может. По мнению местного священника и полиции, недавнее дело нарушило давнее сближение между старообрядцами и православными, производя гнетущее впечатление на православных, которые были смущены идеей изъятия икон и колокола, в течение многих десятилетий находившихся в их церкви. Старообрядцы, в свою очередь, начали насмехаться над православными. Таким образом, Стефан заявил Синоду, что удовлетворение просьб старообрядцев приведет к дальнейшим нежелательным осложнениям в отношениях старообрядческого и православного населения города Ветка. Стефан пришел к выводу, что принудительное изъятие вышеупомянутых предметов у Церкви было бы незаконным актом и означало бы начало государственных гонений на Православную церковь. Учитывая, что местная полиция поддержала Стефана в его обращении, неудивительно, что Синод не удовлетворил ходатайство старообрядцев Ветки.

Во всех этих случаях насилие и угроза насилия играют большую роль. Отчасти мы можем объяснить это риторической стратегией епископов и прихожан: утверждения о том, что гражданский мир будет нарушен, делали их аргументы гораздо более весомыми в глазах как Синода, так и светского правительства. Однако это вовсе не означает, что угрозы насилия в этих случаях не существовало. В равной степени мы должны помнить, что когда большевики начали кампанию по конфискации церковных ценностей в 1922–1923 гг., результатом часто становилась жестокая конфронтация с православными верующими. Очевидно, что возвращение имущества порождало целый ряд проблем. Ключевым мотивом для местных епископов и их подчиненных была защита либо единоверия, либо самих православных: в рассмотренных выше случаях епископы были в первую очередь обеспокоены тем, как возврат имущества повлияет на моральный дух просителей и, следовательно, на вероятность отступничества. В случае со Стефаном (Архангельским) это было неявно связано с желанием сохранить устоявшееся положение православной церкви: для него возвращение имущества

²⁹ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 187. Д. 7348.

³⁰ См.: Там же. Оп. 190. 6 от. 3 ст. Д. 95.

³¹ См.: Там же. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 7501. Л. 113–114.

от господствующей церкви могло означать только то, что Церковь больше не пользуется поддержкой правительства и, следовательно, должна стать жертвой гонений. Подобные опасения часто шли рука об руку с заботой о гражданском порядке. Изъятие любимых вещей могло стать причиной социальных волнений между религиозными группами: угроза насилия и распада общины была призывом, который мог найти сочувствие как в Министерстве внутренних дел, так и в Синоде, вероятно, стремившемся беречь православных от такого насилия.

III

Очевидно, что между столыпинским правительством и Православной церковью существовали разногласия по поводу отношения к старообрядчеству в целом и к возвращению ему имущества в частности. Правительство было готово отдать старообрядческую собственность в полном объеме, в то время как правила, установленные Церковью, были полны условий и потенциальных лазеек. В некоторых случаях государство пыталось оказать давление на Церковь, чтобы заставить ее отдать имущество старообрядцам. Так произошло в случае с Дмитрием Квашниным. В 1867 г. из дома Ольги Квашниной в Пестяхах Владимирской губернии было изъято более 100 икон, иконостас и несколько книг. В 1907 г. ее внук Дмитрий Квашнин подал прошение о возвращении некоторых из этих предметов. Однако, хотя Синод первоначально одобрил возвращение, местный епископ утверждал, что передача икон Квашниным спровоцирует православных на переход в старообрядчество. В итоге Синод изменил свое решение, сославшись на то, что предметы были изъяты до 1883 г.³² Когда до Столыпина дошло известие о том, что Синод пересмотрел свое первоначальное решение по прошению Квашнина, он написал письмо обер-прокурору Синода П. П. Извольскому, в котором просил его вновь изменить решение в пользу Квашнина. Извольскому пришлось ответить, что он ничего не может сделать: решение Синода было окончательным.³³ Как отмечает Уолдрон, Извольский, возможно, разделял многие взгляды Столыпина, но он также считал, что его долг как обер-прокурора — защищать интересы Церкви и решения ее правящего органа.³⁴

В 1912 г. между государством и Церковью произошел конфликт по вопросу о старообряд-

ческой собственности. Поводом послужило дело Василия Василькова. В мае 1907 г. рижский старообрядческий купец Васильков пытался вернуть себе часть имущества, подав прошение в Рижскую консисторию. Эти вещи (около одиннадцати вагонов с иконами, книгами и богослужебными предметами) были конфискованы в 1885 г. при перевозке из Пруссии: когда-то они принадлежали старообрядческому скиту, которым управлял знаменитый Павел Прусский, перешедший в 1868 г. в единоверие. После рассмотрения дела в Синоде в 1888 г. Рижской консистории было разрешено оставить вещи у себя. Затем они были переданы в семинарию, миссионерскую библиотеку, единоверческую церковь и местный церковно-археологический музей.³⁵ Васильков не был первоначальным владельцем: он купил их в 1887 г. у Макара Куприянова, старообрядца, ответственного за ввоз предметов в Россию. Его первые попытки вернуть имущество увенчались успехом: на основании Синодальных правил от 23 октября 1907 г. консистория постановила, что, поскольку имущество было изъято после 1883 г., оно должно быть возвращено.³⁶ Однако ни Васильков, ни консистория не рассчитывали на сопротивление протоиерея Владимира Плисса. Он обжаловал решение консистории, написав рапорт на имя архиепископа Агафангела (Преображенского) с перечнем причин, по которым имущество не должно быть передано Василькову. Плисс прочитал синодальный указ от 23 октября 1907 г. дословно: в указе говорилось, что возврату подлежит только имущество, изъятое из молитвенных домов старообрядческих общин. Рассматриваемое же имущество было конфисковано в поезде и, кроме того, принадлежало отдельному человеку, а не общине.³⁷ Плисс также утверждал, что возвращение книг и рукописей Василькову будет страшной потерей для библиотек семинарии и музея. Эти доводы убедили Агафангела отклонить прошение Василькова 18 марта 1909 г.

Однако Васильков подал прошение в Синод, обосновывая его апрельским и октябрьским указами 1905 г. К прошению были приложены все документы, подтверждающие его право собственности. Как обычно в таких случаях, Святейший Синод попросил Агафангела доложить, почему прошение было отклонено. Агафангел представил дело Плисса в Синод, который

³² См.: Там же. Д. 88. Л. 226–227, 266–267, 291–299.

³³ См.: Там же. Л. 287–290.

³⁴ См.: Waldron, *Religious Reform After 1905*. P. 137.

³⁵ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 199. 6 от. 3 ст. Д. 74. Л. 1. Информацию о первоначальной конфискации можно найти в: ЕАА. Ф. 296. Оп. 5. Д. 5553.

³⁶ См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 190. 6 от. 3 ст. Д. 272. Л. 7.

³⁷ См.: Там же. Л. 11.

решил, что наиболее серьезным требованием является вопрос о том, кто был первоначальным владельцем имущества — Куприянов или Васильков. За заключением обратились в Министерство юстиции. Из документов следовало, что Васильков приобрел вещи законным способом и являлся их законным владельцем. Однако, согласно имущественному праву прибалтийских губерний, Васильков стал законным владельцем имущества только после того, как оно перешло в его собственность. Поэтому Министерство юстиции сообщило Синоду, что если кто-то и должен получить имущество, то это должен быть Куприянов, если он еще жив.³⁸ Таким образом, 17 августа 1911 г. Синод отклонил апелляцию Василькова.³⁹

Получив отказ в Синоде, Васильков обратился к императору, министру внутренних дел и председателю Совета министров со своим прошением и сопроводительными документами. Копию получил и член Государственной думы старообрядец М. К. Ермолаев: он подал прошение в Синод. Двенадцатый Всероссийский съезд белокрыничских старообрядцев в Москве в январе 1912 г. также просил Ермолаева ходатайствовать перед Государственной думой о возвращении имущества, находящегося в церковных учреждениях.⁴⁰ 12 марта 1912 г. Ермолаев выступил в Государственной думе с просьбой принять постановление о старообрядческой собственности. По сути, он заявил, что государство признало правильность возвращения имущества: доказательством тому служит возвращение старообрядцам имущества из архива МВД. Почему же они не могут добиться возвращения переданного Церкви?⁴¹

Предложение Ермолаева встретило возражения в Думе со стороны депутата Г. А. Шечкова из Курска. Большая часть его аргументов исходила из соображений практической целесообразности: на практике эту идею будет очень трудно реализовать. Он также отметил, что законы, принятые еще в 1883 г., могли разрешить старообрядцам вести общинную религиозную жизнь, но ничего не говорили о вопросе собственности. Кроме того, Шечков утверждал, что имущество в настоящее время активно используется Церковью и во всех случаях уже не менее десяти лет: отнять его было бы действие против Русской православной церкви.⁴²

На обсуждении также присутствовал Евлогий (Георгиевский), епископ Холмский. Когда пришло время голосовать по предложению Ермолаева, Евлогий попытался внести поправку, исключаящую все имущество, находящееся в настоящее время в пользовании Церкви. Он объяснил, что, хотя он ничего не имеет против возвращения старообрядческого имущества, он не может санкционировать возвращение тех предметов, которые уже были благословлены и использовались в Церкви: это было бы посягательством на собственность Церкви.⁴³ Однако поправка была с небольшим перевесом отклонена: 100 — против и 94 — за. Предложение Ермолаева было принято.

Следствием думских дебатов стало осознание многими государственными деятелями растущего недовольства старообрядцев. 30 апреля 1912 г. министр внутренних дел А. А. Макаров направил письмо председателю Совета министров В. Н. Коковцову по поводу старообрядческой собственности. Отметив, что значительная часть старообрядческого имущества находится в руках консисторий, Макаров осудил Церковь, заявив, что постоянный отказ церковных властей в удовлетворении старообрядческих прошений противоречит апрельским указам и октябрьскому манифесту 1905 г.⁴⁴ От московских чиновников до Макарова доходили довольно тревожные слухи о предстоящем двенадцатом Всероссийском старообрядческом съезде. Некоторые из видных членов этого съезда, очевидно, выразили сомнение в искренности и твердости октябристской защиты своих интересов и поэтому решили поддержать кадетов на предстоящих выборах. Более того, эти старообрядческие лидеры утверждали, что настроение старообрядцев на выборах будет зависеть от возвращения старообрядческой собственности: частичного возвращения собственности было бы достаточно, чтобы гарантировать поддержку правительству. Макаров считал, что левые партии изучают настроения старообрядцев, надеясь использовать их недовольство. Поэтому Макаров попросил Коковцова передать обер-прокурору В. К. Саблеру просьбу о том, чтобы Синод впредь не отклонял никаких ходатайств о возвращении имущества. Саблер ответил Коковцову 8 мая 1912 г., заявив, что он придерживается того же мнения, что и Макаров, и поэтому будет стараться, чтобы прошения не отклонялись.⁴⁵

³⁸ См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 18. Д. 15. Л. 11.

³⁹ См.: Там же. Ф. 796. Оп. 190. 6 От. 3 ст. Д. 272. Л. 21.

⁴⁰ См.: Труды двенадцатого всероссийского съезда... С. 2, 3.

⁴¹ См.: Государственная Дума. Созыв (3). Сессия (5). Стенографические отчеты. СПб., 1912. С. 894.

⁴² См.: Там же. С. 900.

⁴³ См.: Там же. С. 909, 910.

⁴⁴ См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 597. Л. 1–8.

⁴⁵ См.: Там же. Ф. 797. Оп. 18. Д. 15. Л. 30.

В подтверждение своих слов Саблер отметил, что Синод пересмотрел свое решение по делу Василькова: имущество теперь будет ему возвращено, официальная причина — доказательство права собственности, представленное Васильковым, теперь считается достаточным.⁴⁶

На первый взгляд кажется, что Церковь проиграла борьбу: Саблер не произнес ни слова в защиту своей политики и оказал давление на Синод, заставив его пересмотреть свое прежнее решение. Однако это было не совсем так. 18 октября 1912 г. Саблер представил Синоду протоколы думских дебатов и попросил рассмотреть вопрос. Когда Синод спустя почти два года, 12 августа 1914 г., наконец рассмотрел его, он просто повторил, что правила от 23 октября 1907 г. были вполне адекватными и что имущество, конфискованное до 1883 г., должно оставаться в руках Церкви, если не будет особо веских причин для его возвращения.⁴⁷ Василькову также не обязательно было возвращать имущество: Рижская консистория вместе с Владимиром Плиссом удерживала его, пока готовилось другое прошение, которое было подано только в 1914 г. Таким образом, давление на Церковь по поводу старообрядческой собственности было в основном бесплодным: Церковь не внесла никаких изменений в свои правила, и даже символическое исполнение прошения Василькова, похоже, так и не было завершено.

IV

До 1905 г. Русская православная церковь была основным получателем конфискованного имущества. Церковь продолжала участвовать в этих рейдах против старообрядцев вплоть до конца 1904 г., но указ о веротерпимости и манифест 17 октября 1905 г. положили конец этой деятельности. Однако вернуть имущество старообрядцам оказалось сложнее. Хотя государство, похоже, было готово передать им обратно религиозную собственность в период с 1906 по 1912 гг., Церковь на всех уровнях оказывала значительное сопротивление и не допускала масштабного возвращения имущества.

Трудно представить, как могло быть иначе. Старообрядческий подход к этому вопросу, наиболее ярко проявившийся в речи М. К. Ермолаева в Государственной думе в марте 1912 г., был крайне идеалистическим: за годы, прошедшие после изъятия, большая часть имущества была утрачена либо в результате плохого учета, либо в результате несчастных случаев. Даже то иму-

щество, местоположение которого можно было точно установить, обычно находилось в пользовании церковных учреждений и приходских общин, которые не желали безропотно отдавать его. В равной степени Церковь и ее сторонники были совершенно правы, когда указывали на то, что ни одно положение, принятое правительством, не заставляло их возвращать имущество.

По сути, проблема Церкви заключалась в том, как законодательство 1905 г. изменило ее положение по отношению к государству и старообрядцам. Как казалось церковникам, Церковь была упразднена. Конечно, такое восприятие не соответствовало политической и правовой реальности: Церковь не была упразднена и по-прежнему обладала внушительным набором привилегий, которыми не обладали ее конфессиональные соперники. Тем не менее их опасения имели под собой основания. Изменившееся правовое положение старообрядчества грубо попирало жизненно важные канонические принципы, некоторые из которых лежали в основе легитимности Церкви. Кроме того, Церковь беспокоилась о своем престиже: если претензии Церкви на каноничность и статус авторитета оказались бы под угрозой, то она могла начать терять свою паству, особенно единоверцев. Возвращение собственности старообрядцам стало бы очень заметным символом потери престижа. Церковь отвергала старообрядческие прошения именно в таких выражениях: возвращение старообрядчества подорвало бы позиции Церкви на приходском уровне. Безусловно, этому способствовали синодальные правила от октября 1907 г. Эти правила были полны лазеек и положений, позволявших как консисториям, так и самому Синоду отклонять старообрядческие прошения.

Тем не менее близость Синода к государству могла затруднить использование этих лазеек. Очевидно, что с 1906 по 1912 гг. на Церковь оказывалось давление с целью заставить ее вернуть имущество: правительство считало, что возвращение имущества старообрядцам обеспечит их политическую поддержку. Вот тут-то и пригодились отчеты с мест. Демонстрируя, что возвращение имущества может вызвать гражданскую вражду между различными конфессиями, утверждая, что эти вещи были жизненно необходимы для различных церковных учреждений, и ставя под сомнение, что законодательство может служить основанием для предлагаемых возвратов, прихожане, священники, миссионеры, епархиальные клерки и епископы смогли предоставить Синоду

⁴⁶ См.: Там же. Ф. 796. Оп. 190. 6 от. 3 ст. Л. 57–60.

⁴⁷ См.: Там же. Оп. 195. Д. 1612. Л. 4, 5.

аргументы, необходимые для обоснования отказа. За десятилетия имущество, изначально конфискованное у старообрядцев, стало ценнейшей частью православных и единоверческих общин, обеспечивая их религиозную жизнь и помогая формировать чувство коллективной и индивидуальной идентичности.

По сути, конфискация имущества поставила часть православной церкви в сильную зависи-

мость от политики религиозного принуждения (особенно это касается единоверия). Вероятно, это обусловило невозможность примирения Церкви со старообрядчеством, несмотря на некоторые стремления к этому в период с 1905 по 1917 гг. И даже после революции 1917 г. конфискация имущества осталась предметом разногласий между православными и старообрядческими общинами.

James M. White

PhD, Ural Federal University (Ekaterinburg)

E-mail: d.m.uait@urfu.ru

THE RETURN OF CONFISCATED PROPERTY TO OLD BELIEVERS (1905–1917)

This article is dedicated to considering the problem of property returns to the Old Believers following the edict of toleration and the October manifesto in 1905. With the beginning of persecution against Old Belief in the reign of Nicholas I (1825–1855), Old Believer property was confiscated in large quantities. This included both moveable (icons, books, liturgical utensils) and immovable property (churches, chapels, prayer houses, and monasteries). The aim of these confiscations was to make Old Believer religious life difficult and encourage conversion to Orthodoxy. The major beneficiaries of these confiscations were Orthodox and edinoverie communities. The system of these confiscations was only slowly codified. However, following the laws of 1905, Old Believer communities, now legalised in the eyes of the state, tried to regain some of this lost property. Petr Stolypin's government in particular saw the Old Believers as viable supporters of his conservative policies. However, the Russian Orthodox Church in many cases refused to return the property, arguing that doing so would further damage the Church's prestige and encourage apostasy. These conflicting approaches to the return of confiscated Old Believer property led to increasing tension between church and state.

Keywords: *Old Belief, edinoverie, Russian Orthodoxy, property, confiscations, religious toleration*

REFERENCES

- Ershova O. P. *Staroobryadchestvo i vlast'* [Old Belief and the Authorities]. Moscow: Unikum tsentr Publ., 1999. (in Russ.).
- Naumlyuk A. A. *Tsentr staroobryadchestva na Irgize. Poyavlenie, deyatel'nost', vzaimootnosheniya s vlast'yu* [The Centre of the Old Believers on the Irgiz. Its Origins, Activities, and Relationship with the Authorities]. Saratov: Nauchnaya kniga Publ., 2009. (in Russ.).
- Palkin A. S. [Common Faith in the 1820s–1850s: Mechanisms of State Oppression and Old-Believers' Opposition]. *Quaestio Rossica*, 2014, no. 3, pp. 86–106. (in Russ.).
- Palkin A. S. *Edinoverie v seredine XVIII — nachale XX veka. Obshcherossiyskiy kontekst i regional'naya spetsifika* [Edinoverie from the Middle of the Eighteenth to the Beginning of the Twentieth Century. National Context and Regional Specifics]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2016. (in Russ.).
- Pivovarova N. V. ["The Cabinet of Old Believer Things" of the Ministry of Internal Affairs. About a Failed Museum of Old Believer Liturgical Culture]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], 2010, no. 6 (85), pp. 230–237. (in Russ.).
- Crummey R. O. *Old Believers and the World of the Antichrist. The Vyg Community and the Russian State, 1694–1855*. Madison: University of Wisconsin Press, 1970. (in English).
- De Simone P. T. *The Old Believers in Imperial Russia: Oppression, Opportunism and Religious Identity in Tsarist Moscow*. London: I. B. Tauris, 2018. (in English).
- Pozdeeva I. V. The Silver Age of Russia's Old Belief. *Russia's Dissident Old Believers, 1650–1950*. Minnesota: University of Minnesota Press, 2009, pp. 67–96. (in English).
- Robson R. *Old Believers in Modern Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995. (in English).
- Waldron P. Religious Reform after 1905: Old Believers and the Orthodox Church. *Oxford Slavonic Papers*, 1987, vol. 20, pp. 110–139. (in English).

Для цитирования: Уайт Дж. М. Возвращение старообрядцам конфискованного имущества (1905–1917 гг.) // Уральский исторический вестник. 2025. № 1 (86). С. 136–144. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-136-144.

For citation: White J. M. The Return of Confiscated Property to Old Believers (1905–1917) // Ural Historical Journal, 2025, no. 1 (86), pp. 136–144. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-1(86)-136-144.